

Андрейс ЖАГАРС, директор Рижской оперы:

Ресторанная сцена у вас ярче театральной

Известия-2003-23 мая-С.11

На следующей неделе в Большом театре пройдут гастрольные выступления Латвийской национальной оперы. Рижане, приезжающие в Москву впервые после 1980 года, привезут два своих лучших спектакля — «Аиду» Верди с декорациями знаменитого латвийского сценографа Илмарса Блумберга и «Альчину» Генделя — первую барочную оперу в своем репертуаре. Взамен Большой театр отправит в июне на Рижский оперный фестиваль «Любовь к трем апельсинам» и «Турандот». С директором Рижской оперы Андреем ЖАГАРСОМ встретилась обозреватель «Известий» Екатерина БИРЮКОВА.

— Вы, успешный директор, недавно сами поставили спектакль. Кто же, по-вашему, должен стоять во главе оперного театра — менеджер или художественная личность?

— Это зависит от региона, страны и исторического момента. Период реформ, когда нужен был сильный менеджер, мне кажется, прошел. У нас такая история: в 1989 году министр культуры Раймонд Паулс принял очень непопулярное решение — закрыть оперный театр на реконструкцию. Труппа 5 лет ждала, жили в старой телевизионной студии, делали по

одному спектаклю в сезон. Государство потратило на реконструкцию 30 млн долларов. Для маленького государства это очень много. В 1995 году театр открыли.

— А вы там с какого года?

— С 1996-го. Причем я был третий директор после реконструкции. Для меня это было неожиданное приглашение. Я понял, что должен делать в этой прекрасной золотой шкатулке — начал бороться, чтобы повысили финансирование, и провел много болезненных реформ. Поменял художественное руководство. Пригласил дирижера из другой страны — литовца Гинтараса Ринкявичуса. Это было

КОНСТАНТИН ПОСТНИКОВ

важно, потому что улучшить состав оркестра мог только человек со стороны — нейтральный, не связанный знакомствами. Мы обновляли состав оркестра. И я дал возможность петь молодым артистам.

— Вам часто приходится приглашать солистов?

— У нас 28 солистов. Это соответствует современной европей-

ской практике — не держать большой состав и приглашать кого нужно. Я понял, что мы очень быстро должны взять лучший опыт западных театров. Посылали учиться на Запад некоторых из нашего административного персонала. Когда я пришел, в театре был только один компьютер, билеты рвали вручную из таких книжечек, я видеть этого не мог. Я понял, что надо создать максимум комфорта для зрителя, чтобы он не должен был через маленькое окошко, наклонившись, смотреть на злую кассиршу. Понял, что должен заразить общество оперой.

— А какова репертуарная политика?

— Я сразу увлекся новыми формами. Меня за это критиковали зрители. Приходилось балансировать. Мы единственный театр в стране и не имеем права реализовывать только одно направление. Сейчас мы одну-две постановки делаем более современными и одну — академическую.

— Что вы скажете о тех изменениях, что происходят в Большом?

— Изменения очень явные. Конечно, такой большой корабль труднее повернуть, чем маленький. Но это то богатство, которое не отнять.

— Правда, что одновременно с оперой вы управляете несколькими ресторанами в Риге?

— Когда был актером, я это удачно объединял. У меня было 4 ресторана, бары и винный бутик. Притом я имел в этой сфере очень большие амбиции — последний ресторан был в стиле вашего «Шоколада», для Риги пятилетней давности это было слишком рано. Но оперная практика заставила меня уменьшить свой бизнес до одного ресторана. Ведь ресторан тоже требует много творческой энергии. Ты должен создать особенный стиль, атмосферу, спектакль. А я сейчас так увлекся оперной режиссурой, что на это уже не осталось времени.

— Вы следите за московскими ресторанами?

— Да, и приятно удивлен. Я никогда не мог представить, что Москва так быстро научится очень хорошему стилю. Потому что большие народы часто не обращают внимания на детали — американцы, например. У них на это нет времени, это самый безвкусный народ, который большими шагами идет на подвиги. Я всегда любил Россию, меня привлекали ее театр и кино. Но рестораны здесь, я думаю, будут совдеповскими — хрусталь, икра. Есть ведь какие-то национальные особенности — в этом обаяние России или, скажем, арабских стран, Индии. Но я удивлен, как быстро Москва скопировала лучшие европейские жемчужины. Это удивительно рафинированно, в этом есть не только масса денег и возможностей, а культура быта.

— Судя по всему, наши рестораны пока воодушевляют вас больше наших театров.

— Да, ресторанная сцена у вас гораздо ярче.